«Счастье – это ощущение перспективы»

28.09.2026

28 сентября ученый-токсиколог академик Российской академии наук **Генрих Александрович Софронов** отмечает 90-летний юбилей!

Его профессиональный путь начался в стенах Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Около двадцати лет он осуществлял научное руководство созданием отечественных медицинских средств защиты, более трёх десятилетий руководит важнейшим разделом направления «Тропическая медицина» в Российско-Вьетнамском тропическом научно-исследовательском и технологическом центре, в течение 5 лет возглавлял Институт экспериментальной медицины, а сегодня остаётся его научным руководителем и начальником лаборатории в Военно-медицинской академии.

В преддверии юбилея мы поговорили с Генрихом Александровичем о судьбе, о долге учёного и о городе, который эту судьбу во многом определил.

Генрих Александрович, Вы и сегодня продолжаете активно заниматься наукой и ставить перед собой новые задачи. Что по-прежнему побуждает Вас искать ответы на вопросы, которые ставит перед исследователем наука?

Наука – это моя среда обитания. Особенно остро я ощущаю это, когда нахожусь в лаборатории – в Военно-медицинской академии или в Институте экспериментальной медицины, встречаюсь с коллегами, обсуждаю научные проблемы, результаты экспериментов, отчёты, статьи. В этот момент я совершенно забываю не только о времени, но и о возрасте, об усталости, о каких-то отрицательных эмоциях, если они существуют. Я целиком погружаюсь в эту атмосферу. Для меня это счастье.

Я давно сформулировал для себя простой принцип: **счастье – это ощущение перспективы**. Когда я нахожусь на работе, на сессиях Академии наук, слушаю потрясающие научные доклады, я понимаю, что нахожусь «в движении науки», что впереди у меня огромная перспектива, – это даёт колоссальную внутреннюю энергию.

У меня и сейчас есть конкретные задачи: необходимо завершить большой проект во Вьетнаме, над которым я работаю, написать книгу. Пока есть такие задачи, есть ощущение будущего. **Работа – это моя жизнь**.

Получается, ощущение будущего для Вас связано прежде всего с самой возможностью продолжать научный поиск. Насколько Ваш профессиональный путь был предопределён обстоятельствами детства?

Когда началась Великая Отечественная война, мне ещё не исполнилось и пяти лет. Само начало войны я помню довольно смутно, но хорошо помню, как в 1942 году наша семья провожала отца на фронт. Он был юрисконсультом крупного оборонного предприятия на Урале

и имел бронь, однако несколько раз добровольно просился на фронт. В конце концов его призвали. Он погиб на фронте под Сталинградом.

Мама до последнего верила, что отец жив и, может быть, только ранен, а если и погиб – то лишь потому, что рядом не оказалось врача. Именно поэтому она хотела, чтобы я либо продолжил его дело и стал юристом, либо выбрал военную медицину: в её представлении врач – это человек, который может спасти жизнь там, где особенно трудно.

Так я поступил в Военно-медицинскую академию. И теперь, оглядываясь назад, могу сказать, что сделал правильный выбор. Практически вся моя профессиональная жизнь связана с двумя учреждениями – Военно-медицинской академией и Институтом экспериментальной медицины. Причём выбор медицины для меня оказался не просто выбором профессии. Это была школа жизни, школа мышления, возможность заниматься тем, что действительно стало моим делом.

И всё же был момент, когда путь мог сложиться иначе – Вы едва не стали дипломатом?

Школу я окончил с золотой медалью и всерьёз увлекался историей и международными отношениями. Думаю, я бы стал дипломатом – поступил бы в Московский государственный институт международных отношений, это совершенно точно. На зимних каникулах я даже написал туда письмо – мальчишка с Северного Урала, – и мне ответили, прислали условия поступления и программу экзаменов. Я был очень тронут.

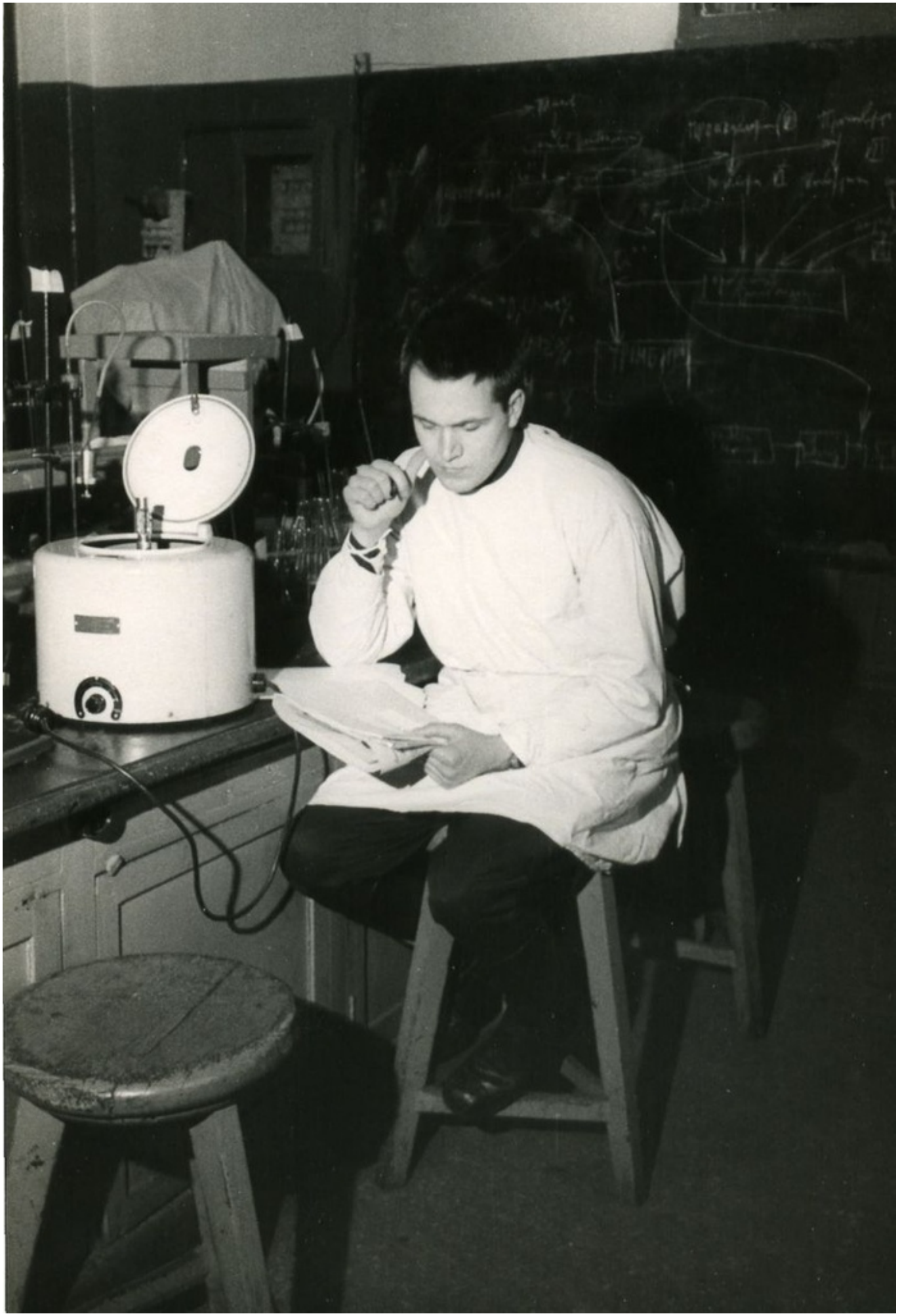
Но в итоге поступил в Военно-медицинскую академию. И, оглядываясь назад, не могу сказать, что о чём-то жалею.

Из стен Военно-медицинской академии Вы вышли не просто военным врачом, но исследователем: более двадцати лет Ваша научная жизнь была связана с оборонной тематикой и токсикологией. Что было особенно важно для Вас в этот период?

Это была моя научная молодость, именно в этот период я во многом сформировался как учёный, стал профессором. Я занимался созданием медицинских средств защиты, разработкой требований к ним, участвовал в их разработке, организации производства и сертификации.

Это была масштабная работа, и я считаю её важной частью своей жизни. При этом значительная часть результатов, полученных в тот период, не могла быть открыто опубликована. Но это не означало полного отсутствия научного общения. Существовало профессиональное сообщество, проводились конференции, обсуждались результаты, продолжалось международное научное взаимодействие в рамках государств Варшавского договора.

Кроме того, сама токсикология даёт возможность изучать фундаментальные закономерности взаимодействия живых систем с токсичными химическими веществами. Эти знания имеют самостоятельную научную ценность и позволяют глубже понимать механизмы токсического процесса.



Работа с такими веществами, очевидно, требовала особой меры ответственности. Перед кем она, на Ваш взгляд, прежде всего?

Ответственность перед государством, перед наукой и перед человеком для меня – категории одного порядка, и я не стал бы их разделять.

Государство может поставить перед учёным определённую задачу. Но дальше начинается собственно научный поиск, у которого есть свои законы: тщательность эксперимента, достоверность, воспроизводимость результатов, необходимость понимать механизмы происходящего. И в конечном счёте всё это делается ради человека и ради человечества.

Поэтому учёный обязан постоянно думать о последствиях своей работы. Мы нередко сталкиваемся с проблемами именно потому, что не просчитываем последствия собственных действий. А в науке эта ответственность особенно велика. Нельзя бездумно вмешиваться в сложные природные системы, не понимая их взаимосвязей. Нужно сначала разобраться, оценить возможные последствия и только потом действовать.

Значительная часть Вашей научной биографии связана с Вьетнамом – где вопрос вмешательства в сложные системы, природные и человеческие, встал особенно остро. Как возникло это сотрудничество?

Впервые я приехал во Вьетнам в 1993 году на конгресс, посвящённый исследованиям последствий химической войны для здоровья населения. Ещё до поездки вьетнамские специалисты обращались ко мне с вопросами о том, как правильно организовать такие исследования. Я считал эту проблему чрезвычайно важной и предложил сначала приехать, разобраться на месте, а затем совместно определить программу работы.

В тот первый приезд в нашем посольстве устроили небольшой приём для российских участников конгресса, и посол сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь и которые оказались удивительно справедливыми: если вы намерены работать по программам Тропического центра, вам необходимо полюбить Вьетнам и вьетнамцев – тогда у вас всё получится, если этого не будет – не получится ничего. Так и вышло: я полюбил и Вьетнам, и вьетнамцев.

Впоследствии я более двадцати пяти лет руководил направлением тропической медицины в совместном научном центре. Позже передал общее руководство, сохранив за собой научное руководство исследованиями отдалённых медицинских последствий для здоровья пострадавшего населения и последующих поколений.

За эти годы мне довелось около сорока раз приезжать во Вьетнам. Но для меня это сотрудничество никогда не было только совокупностью экспедиций, отчётов и научных результатов. Оно стало настоящим человеческим и научным взаимодействием. Я приглашал туда крупнейших российских учёных, помогал молодым вьетнамским специалистам проходить обучение в Санкт-Петербурге. Некоторые из тех, кто когда-то приезжал к нам молодыми исследователями, впоследствии возглавили лаборатории у себя на родине.

Особенно важно видеть, как результаты многолетней работы продолжают развиваться уже без непосредственного участия тех, кто её начинал. Академик Виталий Лазаревич Гинзбург, нобелевский лауреат, говорил, что для учёного это большое счастье – увидеть, как развиваются идеи и труд, вложенные им когда-то. Я испытал это в полной мере, когда недавно в

Тропическом центре торжественно открывали эпидемиологическую лабораторию мирового уровня: мы начинали с малого – первые российские учёные, первые вьетнамские аспиранты, – и я по-настоящему горжусь тем, чего в итоге удалось достичь.

Что сегодня остаётся для Вас главным научным вопросом в этой работе?

Для меня принципиально важно понять, присутствуют ли последствия воздействия тех факторов в организме человека спустя длительное время и могут ли они проявляться у последующих поколений. Именно это я считаю одной из наиболее существенных задач своей нынешней научной работы.

Такие исследования требуют времени. Наука вообще редко даёт возможность получить окончательный ответ быстро. Но в этом и заключается её особенность: необходимо последовательно собирать данные, проверять гипотезы, анализировать результаты и только после этого делать выводы.

Параллельно с этой исследовательской работой Вы приняли на себя и руководство научным учреждением – Институтом экспериментальной медицины. Что дал Вам переход от исключительно исследовательской деятельности к управлению институтом?

Изначально я не стремился становиться директором и даже отказывался. Но в итоге согласился и довольно быстро понял, что руководящая работа – это действительно другой мир.

Она связана не только с административными решениями. Когда ты руководишь учреждением, начинаешь видеть его целиком: думаешь о развитии, о людях, об инфраструктуре, о том, как создать условия для научной работы. Это требует иной ответственности и иной широты взгляда.

Например, одной из задач было создание вирусологической лаборатории. Изначально предполагалось привлечь зарубежных подрядчиков, но я стал искать другое решение и обратился к одному из предприятий оборонного комплекса. Там нашлись специалисты, с которыми удалось обсудить задачу и реализовать проект значительно более рационально. В результате появилась лаборатория, которая на тот момент была одной из лучших в стране.

Для учёного такой опыт очень полезен. Ты на определённое время ограничиваешь собственную научную работу, но делаешь это ради учреждения, коллектива, людей, которые в нём работают. Это уже не просто администрирование, а особая форма служения своему научному сообществу.

Вся Ваша научная жизнь связана с Ленинградом – Петербургом. Что, на Ваш взгляд, отличает петербургскую научную школу?

Я бы определил это одним словом – академизм.

Конечно, научная работа везде требует точности, тщательности эксперимента и ответственности. Но в Петербурге на науку очень сильно влияет сама городская среда. Академия наук была организована здесь Петром I в 1724 году, здесь сформировались научные школы мирового значения, работают исследовательские институты и университеты.

Но дело не только в учреждениях. Есть ещё сам дух города. Петербург способен очень сильно воздействовать на человека – своей архитектурой, историей, культурой. Я помню, как в юности впервые увидел ранним утром с Певческого моста Дворцовую площадь, освещённую солнцем и окутанную лёгкой дымкой. Это выглядело как гениальная театральная декорация. Такие впечатления остаются на всю жизнь.

Есть и другое. Я придумал термин: в Санкт-Петербурге существует своего рода «популяционный иммунитет против недостойных дел» – в науке, в жизни, в обществе. В совокупности с академизмом он пропускает в мировую науку только результаты первостепенного значения. И лучшие петербургские работы не только являются вершиной достижений, но ещё и элементарно изящны. Вся моя творческая жизнь прошла среди выдающихся умов и бесконечно порядочных людей высочайшей нравственности.

Вы стояли у истоков создания Санкт-Петербургского отделения РАН. Как рождалась эта идея?

Многие годы идея создания Санкт-Петербургского регионального отделения РАН вынашивалась человеком, без которого сегодня трудно представить российскую науку, – с академиком Жоресом Ивановичем Алфёровым. В связи с реформой РАН в 2013 году вопрос о создании отделения стал насущным. И лишь через 10 лет – в 2023 году – этот замысел был реализован.

Сегодня его создание я расцениваю не только как благо для нашего города: это событие государственного масштаба – для всей Академии наук и для всей страны. Академия вернулась в свой город, в свою альма-матер. Будучи членом Президиума Отделения, я уже вижу плоды: рассматриваются не частные вопросы, а целые направления исследований. Счастье, что такое Отделение создано.

Что для Вас лично значит быть академиком Российской академии наук: это прежде всего научное признание или общественный статус?

К самому смыслу слова «академик» я отношусь очень серьёзно, и в нём для меня неразделимо сходятся оба измерения – и научное, и общественное.

Член Академии наук – это, во-первых, лидер в своей области знаний, человек действительно избранный, причём избранный и в прямом, и в переносном смысле, – достойный этого избрания. Он должен быть естественным примером служения науке.

Но у этого звания есть и другая сторона, обращённая уже не к профессиональному сообществу, а к обществу в целом. Академик – «производитель» новых знаний и новых технологий, человек,

принадлежащий к научной элите. И в самом обыденном, широком понимании он олицетворяет собой уважение к науке как таковой – к самому занятию научной деятельностью. Поэтому роль академика и сегодня остаётся одновременно очень престижной и очень ответственной – и в науке, и в глазах общества.

Технологии в науке меняются стремительно – а что в самом учёном, на Ваш взгляд, остаётся неизменным во все времена?

В сущности своей человек, занимающийся научным исследованием, за последние столетия не изменился. Конечно, сегодня возможности для науки несопоставимо шире: появились новые технологии, можно значительно быстрее получать и обмениваться информацией, появились мощные инструменты анализа.

Но технологии – это только возможности. Сама «человеческая основа» научной работы остаётся прежней. Это усердие, трудолюбие, способность широко воспринимать окружающий мир. Очень важно, видит ли учёный только узкий участок собственной работы или способен соотносить его с более широким контекстом – с практическими событиями, смежными областями знаний, историческим развитием науки и общества. Чем шире взгляд, тем больше возможностей увидеть взаимосвязи.

Вы говорите об усердии и трудолюбии как о неизменной основе науки. Что бы Вы сказали молодому учёному, который сегодня хочет получить результат как можно быстрее?

Я прежде всего поздравил бы его с тем, что он пришёл в область человеческой деятельности, которая даёт человеку свободу творчества. Это очень большое преимущество науки. У тебя может быть конкретное задание, но решение во многом зависит от твоих способностей, усердия и труда.

При этом я обязательно сказал бы: быстрых результатов не бывает. Даже если возникает мгновенное озарение, особенно в экспериментальной науке, оно требует проверки, аргументации, подтверждения. Иногда на это уходят годы и даже десятилетия. Не следует думать, что научный результат – это только счастливая интуиция. Способности, помноженные на опыт, дают гораздо больше. Настойчивость, последовательность и трудолюбие в конечном счёте приводят к результату.

Но я бы пожелал молодым учёным ещё одного – получать как можно больше радости от того, чем они занимаются. Потому что возможность заниматься творчеством и самостоятельно искать ответы – само по себе большое счастье.

Вы много говорите о преемственности. Если оглянуться на собственный профессиональный путь, что кажется Вам самым ценным?

Я вообще стараюсь не оценивать себя. Если человек не принёс вреда, если его работа была полезна, если он помог людям и подготовил тех, кто продолжит эту работу после него, – уже этого достаточно, чтобы считать жизнь в профессии состоявшейся.

Учёный живёт не только в своих публикациях и результатах. В значительной степени он продолжает жить в людях, которых учил, в тех, кому передал знания и научную культуру. Если они идут дальше, развивают начатое, решают новые задачи, значит, работа не закончилась.

Поэтому я не думаю о том, что уже сделано, как об окончательной точке. У меня есть задачи, которые нужно решать, есть вопросы, на которые пока нет ответов. Есть проект, который

необходимо завершить, есть книга, которую нужно написать. Пока есть работа, есть перспектива. А пока есть перспектива, продолжается движение. Счастье действительно заключается в ощущении перспективы.

И всё же, если оценивать пройденный путь трезво, могу сказать так. Знаете, до тридцати лет сохранить о себе хорошее мнение нетрудно. А если в девяносто лет тебе говорят доброе слово – значит, ты чего-то стоишь: время всё расставляет по местам. Если ты способствовал и не вредил – спасибо судьбе и обстоятельствам. А если ещё и помог людям, – то это, пожалуй, и есть результат.

Генрих Александрович, Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук от всей души желает Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых замыслов, которые по-настоящему увлекают. Пусть сохраняется этот особый интерес к научному поиску, который на протяжении всей жизни помогает Вам видеть новые задачи, находить неожиданные решения и открывать возможности для дальнейшей работы!